

Клоаки

Большого
города

Алексей
Наст

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Наст
Клоаки Большого города

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Клоаки Большого города / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Роман состоит из неожиданных историй, которые случились с главным героем. Истории забавные и не очень, главное, что не скучные - вы хорошо проведёте время! Содержит нецензурную брань.

© Наст А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вам тут не это!	17
У вокзала	18
Уютное местечко	21
Полковника никто не ждет	23
Дворовая элита	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

– В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

Все мы люди образованные, и знаем, что слово «Клоака», в своём первоначальном значении – наименование очень короткой линии канализации в Древнем Риме. Но линия была одной из первых, а Древний Рим – это Древний Рим. Потому «Клоака» вошла в историю и во все языки, с соответствующим смысловым наполнением. Ничего не прибавишь, не убавишь...

Но, бог с ней, с древнеримской клоаккой. Другое значение слова, образовавшееся от первоначального: помойка, сборище нечистот.

Мой юный друг дядя Вова (я его зову дядей, потому что он старше меня на четырнадцать лет, а юным – он всегда весел, жизнерадостен, всегда смеётся и всё знает – с ним интересно!) этим слово (Клоака) наградил рюмочные нашего Большого Города. Если кто не знает, поясню слово «рюмочная» – это такая забегаловка, где торгуют в разлив крепким алкоголем (не путать с баром!): водкой (в основном самопальной), портвейном (в основном самопальным) и вином «Изабелла» (эта вся самопальная).

В этих рюмочных всегда обретаются опустившиеся субъекты – мужчины и женщины. То есть, там полная помойка. Это по-русски выражаясь. Чтобы сгладить резкость и грубость, дядя Вова обратился к благородному языку древних римлян, к латинскому, и дал этим рюмочным ёмкое и хлёсткое, как пощечина, наименование: «Клоака».

Об этих «Клоаках» и пойдёт речь...

Сначала отвлечёмся – дядя Вова изумительный гид по Большому Городу, он знает огромный мегаполис, как свои пять пальцев (Нет! Даже лучше!), всегда рассказывает, где был какой завод при СССР (сейчас везде торговые центры), и тут же говорит: «Выпьем!».

Недавно я рассказал ему об озарении, которое меня посетило – еду по городу, и вдруг начинаю удивляться: «О, мы здесь пили с дядей Вовой! И здесь! И тут...»... Город такой Большой, с десятком огромных районов... Районах в пяти мы пили везде... Это же ужас!...

Вот здесь, у магазина «Аквариумы»...

Дядя Вова посетовал:

– Специально зашили окна изнутри картоном, чтобы не глазели с улицы, а заходили внутрь! А там, поди, рыбки везде, и очень красиво! ... Да...

– Зайдём! Просмотрим!

– Нет! У меня фантазии... А вдруг там убого всё... На, Лёшкин, рублишки, дуй за чекушкой – выпьем. Тут за углом продовольственный...

Я пошёл. Магазин был разорён – там шёл ремонт (хозяин сменился).

Я прошагал целый квартал, пока обнаружил супермаркет с алкоголем, и на обратном пути не утерпел, заглянул в магазин «Аквариумы». Там всё сияло подводным, подцвеченным великолепием – штабеля аквариумов завораживали бурной, интересной жизнью своих обитателей: рыбок, черепах и тритонов, даже один убогий замученный крокодильчик (Вот судьба! Не позавидуешь!) теснился в водяном загончике из плексигласа.

«Друг, за что тебе такая страшная доля?», – погрустил я мимолётно, и поспешил к дяде Вове.

Торопясь, зашустрил голосом:

– Там так красиво, здорово! Дядя Вова! Там крокодил подышает...

Он быстро отхлебнул из чекушки, и сразу повеселел. Радостная энергия залучилась из него благостной аурой, аквариумы и их обитатели его уже совсем не интересовали...

– Лёша, забудь о крокодиле, он по любому сгинет в небытие, годом раньше, годом позже... Он нежить! Пожиратель рыбы. А пьянчуга зазевается, и его сожрёт.

– Он же маленький.

– Я не про конкретного крокодила говорю, а, вообще, об их породе, аллигаторах там, кайманах... Идёшь себе домой, покачиваешься, думаешь о великом, а тебя хватить, и рвут на части, глотают... Обидно... Хорошо, что у нас они не живут.

– Они у нас не живут, а мучается...

– От судьбы не уйдёшь, Лёша. Кого-нибудь укусил в детстве за палец, вот его и продали сюда, в Россию, в аквариумное рабство! Да бог с ним, с крокодилом! Ты о себе думай!...

...И таких описаний пьянства по Большому Городу я могу предоставить массу, но выпивки на улице не есть цель данного исследования, оставим их в архивах истории.

Будем говорить про уютные клоаки, тёплые и зловонные. Клоака – это же сборище нечистот, так погрузимся в эту жижу...

Такого количества грязных, вонючих, давно не мытых представителей рода человеческого, уже не людей, а каких-то зомби, нигде не встретишь и не увидишь, как только в «клоаках». Это правда, друзья мои, там такая помойка, что заходя, иногда хочется опорожнить желудок тут же на кафельный пол. И пол-то такой, выстеленный кафелем, чтобы легче было убирать блевоту...

Ещё одно уточнение – такие «Клоаки» раньше были везде. Рюмочные очень прибыльный бизнес. Но на данном этапе Большой Город почти оказался «зачищен». Стойко держится только один район мегаполиса. Эдакий, последний Бродвей – кусок прошлого, лихих девяностых XX века. В этом районе масса клоак, про которые я вам и поведаю. Увы, но только в нём, в этом районе, выпивающему мужчине есть, где отвести душу рюмкой плохого, дешёвого алкоголя. Но нам хватит и этих «помоев».

Мы с дядей Вовой, выпивая водку и запивая её всевозможными соками, всё время обсуждали эту странность – во всём городе клоаки убрали, а здесь они процветают. У нас что, город, как Соединённые Штаты Америки, где каждый штат-район, что хочет, то и творит? Может быть (предполагали мы в пьяном угаре) здесь имеется денежный интерес неких властимущих и их аффелированных приближённых? По другому и не подумаешь. Или кого из полицейского начальства? Одна из клоак расположена в одном здании с Управлением Вневедомственной Охраны, через арку, вторая дверь. Там, в клоаке постоянно «тусуются» своеобразные человеческие элементы, на стенах висят кричащие предостережения о работе карманников: «Будьте внимательны! В заведении промышляют карманники!». Бравые полицейские ничего этого не замечают... А что туда лезть? Клоака!

Как-то мы с дядей Вовой, с девяти утра выдвигались пешком к магазину «Арктика», и дядя Вова меня сразу предупредил:

– Сейчас, Лёшкин, посетим клоаку в здании, где полиция!

– О, – обалдел я. – Разве такое бывает?

– Ты забываешь, где это происходит! В этом районе бывает всё!

– Круто! – сказал я.

Зашли мы в эту чистую, аккуратную рюмочную. Две-три компании (в них были две женщины!), сквернословя и задирая друг друга, размахивая сжатыми в гневе кулаками, вели свой привычный образ жизни. Все в трико, во всём чёрном – что-то похожее на зоновскую униформу. Видимо, существует огромный пласт людей, чувствующий себя более комфортно в тюремной зоне, чем на свободе... Им это нужно, они к этому стремятся, даже в мелочах показывая свою тоску, свои стремления...

Дядя Вова сделал заказ:

– Два по сто, и по половинке томатного сока.

Как он меня учил, заказывая водку в таких заведениях, не следует уточнять продавцу, что сто грамм именно водки – это дурной тон, слова человека со стороны, новичка в пьянстве,

лоха. А лохов здесь не любят. И сразу стараются «развести на деньги». Лох должен платить за чужой праздник.

Итак, сто грамм – это водка, всем всё ясно...

Заказывая сок, лимонад или минералку, не надо говорить: «Сто граммов сока!». Это перебор! Решат, что ты умничаешь. Такое в клоаках не одобряется. Говорить надо просто: «Половинку сока», что означает те же... сто граммов, то есть половину двухсотграммового стакана...

Слава Богу, что в этой стерильной (что есть, то есть – чистота пола и стен на уровне!) клоаке наливали в одноразовые стаканчики.

Дядя Вова поведал грустную историю, обращая моё внимание на одноразовую посуду:

– Сейчас хорошо, стерильно всё. А несколько лет назад ещё наливали в стеклянные стаканы. Мыли их, конечно, вроде, как положено. А мой племян, вот в этой клоаке подцепил из стакана какую-то дрянь, и за несколько месяцев сгорел – зараза съела изнутри...

– Туберкулёз? – попытался уточнить я.

– Сам думаю на эту болезнь. Какая-то очень острая форма. Сразу, резко сожгла, съела... Я оглядел с благоговением клоаку – сколько людей она убила! А скольких убьёт!

Почему я решил, что убьёт ещё, не смотря на одноразовую посуду?... Водка!

Водка была такая ледяная, что ей не хватало мизера, чтобы вода начала отлагаться от спирта, и превращаться в лёд. Кто знаком с химией, тот поймёт. Сивушный привкус, готовый выворотить наизнанку, сигнализировал о некачественной водке. Самопал! Ого-го! Чего, чего, а в клоаках на него напороться – минутное дело. Прохладный томатный сок немного успокоил своей вязкой массой обожженное нёбо и горло.

Остаток дня я проболел – любой будет мучиться, если отведаст технического спирта или растворителя.

Вы думаете мной описанная клоака самая ужасная? Ничуть! Всё-таки, там близость полиции сказывается, и заведение, более-менее, приемлемое...

Самая ужасная клоака находится у гостиницы, что рядом с Домом культуры большого, всероссийского значения, технического завода... Вот там полная помойка и грязь.

Проезжая как-то мимо, мы с дядей Вовой удивлённо посмотрели на часы – было восемь утра, начало девятого, а у клоаки уже радостно тусовалась «местная дворовая элита», хорошо принявшая и обсуждавшая в хохочущих кучках внешнюю политику государства, дела спортивные и сугубо местные.

– Лёша-а! – восторженно воскликнул дядя Вова. – Смотри! Это же беспредел! Ещё девяти утра нет, а там уже наливают! Это явное беззаконие! Явное!

Дядя Вова возмутился потому, что, очень часто, когда горели трубы, и хотелось опохмелиться, взять раньше девяти утра было нельзя. Мэр города или губернатор (кто из них, злодеев?!), установил, что покупать алкоголь можно с девяти утра до двадцати двух часов вечера. И ладно бы, если бы в мегаполисе соблюдался Федеральный закон о торговых сетях, где строго настрого запрещалось в одном районе более 25% супермаркетов одного оператора. Но ведь это было не так... Раньше была масса мелких продуктовых магазинчиков. Там всегда можно было купить и пораньше. А теперь, в заполнившей все районы однообразными, бедными на разнообразие товаров, супермаркетами фирме, стояли кассы с определителем товара и времени. Раньше девяти часов никак не купишь – касса не пробьёт. Случались, иногда, понимающие продавцы. Они брали деньги, отдавали товар, а пробивали после означенного времени – у них был свой штрих-код на картонке. Но потом и такое прекратилось... Потому дядя Вова долго ещё ворчал, увидев, как посетители клоаки у гостиницы уже радовались с самого утра, а ему эта радость была не доступна.

Вечером мы пошли в эту легендарную клоаку.

– Раньше, Лёша, бывало, тусуемся там, в подвале (рюмочная располагалась в подвальном помещении), менты подгонят узик к самой двери, и всех подряд в «воронок» – в вырезатель. Тогда же им план спускался на алкашей. Это теперь пьянь никому не нужна. Что хотят, то и творят эти уроды. Хоть посреди площади обмочатся и упадут спать в пьяном угаре – никто им слова не скажет. Демократия. Свободный человек на всех начхал, обгадился в хлам, и лёг отдыхать. Имеет право! Всё как в Америке! Умеем мы равняться на всякую дрянь!

Дядя Вова прекратил обличать, и сказал мне выразительно:

– Ладно, зайдём... Подивишься на здешних «инфузорий».

Вниз спускаться предстояло по длинной, крутой лестнице. Уже у железных дверей, несколько высоченных лбов, под два метра ростом и выше, курили и смотрели на входящих изучающее, как опытные психологи... Я порадовался, что оказался не один, в таком неудобном месте, а с дядей Вовой – тот ни в чём не уступал суровым тридцатилетним парням, а кулак имел с половину моей головы – кувалда, не меньше...

Помню, в бытность мою студентом, я имел удовольствие дружить с огромным, в высоту, в ширину и в массу, человеком – Платоном. Мы любили шутить друг над другом. Я ему как-то подарил, не скрывая удовольствия, конфету-карамельку.

– Оба-на! Это мне?! Здорово! И в чём приколы? – он знал меня хорошо, и понимал, что всё происходящее было не просто так!

– Читай название! – велел я, ибо Платон уже торопился развернуть конфетку, подозревая, что сюрприз в начинке.

Платон расхохотался:

– Дубок, – и даже постоял, чтобы успокоиться от смеха. Мне сказал. – Тонко. Оригинально. Намекаешь на мои умственные способности?

Я пожал плечами – думай, что хочешь. Конечно, намекаю!

Мы были молоды, и шутили над друзьями зло и жестоко, полагая, что мы оригинальны, и со стороны это выглядит забавным. А это было несколько не забавно... Но мы были молоды.

Идём в толпе парней-одноруппников.

– Лёша, лови!

Чувствую ветер, эдакий ураган, и темно. Тряхнул головой. Перед моим лицом кулак, огромный, с мою голову. Платон смеётся.

– Ну, как?

Я заистерил:

– А чуть промахнулся, и всё – убил бы.

– Я контролировал ситуацию, – радостно сообщил мне друг, забавляясь моим испугом.

– Платон, я правильно подарил тебе конфету «Дубок».

Мы оба добро посмеялись.

Вот у дяди Вовы кулак был на половину меньше, чем у Платона, но всё равно человек он могучий, высокий и крепкий. Он – остров спокойствия в бурном потоке будней.

Как мне он говорил: «Придёт к дочке свататься кавалер, посидим мы за столом, дежурные слова поговорим все вместе за праздничным ужином, потом пойдём пообщаться лично, в мой спортивный уголок. Я начну подтягиваться, отжиматься и крутить нунчаками, и всё – нет кавалера. А дочь плачет! Вот скажи, где ныне настоящие мужчины?».

Я был прост и не оригинален:

– Прекрати крутить нунчаками перед женихами!

Дядя Вова, думаю, что-то понял тогда. А теперь он шёл вниз, в клоаку, следом за мной, и я был доволен, что спускался в эту аорту алкогольного разврата, и чувствовал себя совершенно спокойно, даже под этими жгучими, изучающими взглядами двухметровых завсегдаев. Ибо, помимо собственной физической мощи (я и сам словно танк, и внешний вид мой сразу заставляет тосковать злодеев, так что дядя Вова тоже, наверное, всегда чувствовал себя очень спо-

койно рядом со мной), дядя Вова имел ещё один веский аргумент. Он всегда говорил тихим шепотом, сильно подвыпив и отсмеявшись какой-нибудь моей шутке, обводя мутным взглядом очередную клоаку: «Подрезать кого, что ли?!»... Всегда носил с собой нож... Помните старый голливудский фильм про Данди-Крокодила, когда на него напали грабители с ножом. Он удивился: «Разве это нож? Вот нож!». И показал огромный армейский кинжал, каким не только людей, а и свиней, и верблюдов резать можно без проблем...

Тоже самое, проделал надо мной мой весёлый друг дядя Вова. Он мне всегда говорил, что нож на тот случай, что «мало ли что». Никогда мне ножа своего не показывал. Ну, я и думал, носит с собой складешок. Ножик, вещь нужная в повседневной жизни мужчины – бутылку пива открыть (ещё не все виды бутылочного пива имеют винтовую крышку), порезать колбасу, что-то обстругать, что-то поддеть... Как-то был момент, что требовалось срезать мелкую деревяшку (думаю, помучается дядя Вова, но этим обойным ножом, какой я ему выдам, всё равно сделает дело – не было другого, я собирался в поход за грибами и купил пластмассовую дрянь в киоске «Союзпечать» – сейчас эти киоски называют «Газеты, Журналы», в разных городах, но у нас эта до сих пор фирма носит название «Союзпечать»). И я наивно предложил дяде Вова свой никчёмный, пластмассовый ножик, с тонким, хрупким лезвием для резки бумаги...

Дядя Вова усмехнулся, как Данди-Крокодил:

– Разве это нож? Вот нож!

И тут дядя Вова извлёк из своей чёрной сумки такой «свинорез», что сердце зашло. Огромный ножище! Данди-Крокодил отдыхает!

Я расхохотался.

– Однако!...

Так вот, спускаясь вниз по лестнице к входу в «клоаку», я не робел под свирепыми взглядами двухметровых алкоголиков. («Папаша, огоньку не найдётся?!». «Не курю!»). За мной следом шёл дядя Вова с большими кулаками, всегда готовый пустить в дело свой большой нож с длинным лезвием.

За массивной, железной дверью сразу был пряный, наполненный миазмами немых, потных тел, воздух, и лежбище – спали вповалку и сидели мужчины и, что поразило, женщины. Все грязные, вонючие, косматые, пьяные в хлам. Это говорило снова о некачественной, самопальной водке, изготовленной на основе технического спирта или ядовитой, химической дряни.

Во, отступление небольшое, насчёт химической дряни. Несколько лет назад «зажигал» я в близком пригороде. Это масса частных, одноэтажных ветхих домов, тёмные улицы и одинокий вагончик-магазин, который никто никогда не проверяет. Мы поехали туда за водкой, водки уже не было – население массово пировало, и когда подошла наша очередь, продавец нам предложила вместо водки стеклоочиститель:

– Берите! Очень хорошая штука! Весь посёлок берёт, никто не жалуется...

Я тогда отказался со смехом, но попробовать этой гадости, к сожалению, пришлось. Я думал, что водка, а в бутылке был разведённый стеклоочиститель... Что вам сказать... Через десять минут грязный пол халупы, где мы пьянствовали, стал цветным красно-оранжевым ковром, а чёрные от копоти и грязи обои, расцвели фиолетовыми, мерцающими узорами. И пару дней после «давили» почки в поясницу. Пришлось есть много укропа (хорошо помогает от химического отравления почкам), и пить сильно сладкий чай (убирает боль в почках – они сладкое любят).

То есть, войдя в подвал-«клоаку», мгновенно оценив обстановку, я уже понял, что качество «товара» здесь очень сомнительное. И, что меня поразило, в этой рюмочной были не только одноразовые стаканы из пластика, но и обычные, стеклянные. И все завсегдатаи заведения, стоя за высокими стойками, пили из нестерильных стеклянных ёмкостей! Делалось это,

естественно, из экономии – за одноразовые стаканчики требовалось платить дополнительно. Вот где заразообменник!

Мы, как люди состоятельные, ищущие приключений без последствий, заказали всё в пластик.

– Два по сто, и два томатного сока по половинке, – озвучил заказ дядя Вова.

Выпили. Запили. Чувствуем – мало.

– Ладно, Лёшкин, побудь здесь, стереги очередь а я схожу покурю, – сказал дядя Вова.

Как раз, продавец вышла в зал, чтобы собрать пустые стеклянные стаканы. Я ждал у стойки. Тут же ко мне подошла, чуть виляя бёдрами, юная, сорокалетняя особа (может, ей было и двадцать, но настолько она была запитая, что и сороковник я ей определил с великим сомнением). Чтобы вам было понятно, опишу более подробно. Артиста эстрады Игоря Маменко все знаете, видели не раз, как он анекдоты рассказывал пьяным голосом, или его миниатюру: «Сосед, я пять лет, как с мужем развелась». Вот подходит ко мне такое создание, и голосом известного артиста, предлагает:

– Мужчина, угостите даму портвейном!

Мне стало неудобно. Не люблю подобных моментов.

Она это поняла, и сбавила планку.

– Мужчина, у меня есть два рубля, остальное не хватает. Добавьте, и купите мне стакан портвейна.

И смотрит так заманчиво, то есть, ей так кажется, что я немедленно попадусь в её сети.

Я пересилил себя, отозвался хрипло:

– Нет.

Она прищурилась, как Игорь Маменко, спросила с вызовом, голосом Игоря Маменко:

– Что, не достаточно красивая для тебя?!

И тут подоспел на помощь громадный, и возмущенный дядя Вова:

– Геть!

Просительница испарилась.

– Что тут у тебя? Я отлучился на минуту, а ты уже женщину себе нашёл? Хе-Хе-Хр, – захохотал он в нос. – Тут это быстро.

– Отругала меня, что кривляюсь, мол, не достаточно хороша для меня.

– Ага! Хр-Хм-Хр! – дядя Вова ещё потешался пару секунд, потом построжал. – Что такое? Почему сразу не послал её?

– Неудобно.

– В таких местах надо быть всегда готовым к отпору. Тут быдло. Отбросы людские. Клоака... А ты расслабился. В чём дело, Алексей?

Дядя Вова смотрел с укоризной.

– Дал маху, – согласился я.

– Смотри, в другой раз будь внимательней. Ладно, выпьем. Э-э, – дядя Вова сурово метнул взгляд на уже образовавшуюся очередь из жаждущих алкоголя мужчин. – Сейчас наша очередь!

Все с лёгкостью согласились, ибо, и правда, очередь была наша.

Мы повторили – водка по сто и сок по сто, после протиснулись на свежий воздух. Было морозно, но алкоголь уже грел изнутри ядерным реактором, поднимая внутреннее давление. Дядя Вова меня притормозил:

– Стой, Лёшкин. Я покурю.

– Кури. Я подышу твоими выхлопными газами.

– Я же не автомобиль. У меня не газы, а дым. Как ты можешь не курить? – тут же поразился дядя Вова. Он знал, что я бросил курить ещё в бытность мою солдатом срочной службы, а было это очень давно.

– Мне хватает твоего дыма. Говорят же, что пассивное курение куда опаснее основного.
– Лёшка, скажу тебе по секрету – это пи..дёж... Выдумки медиков, чтобы некурящие давили курильщиков.

– Ладно.

Тут у входа в клоаку заметались трое плохо одетых мальчишек лет десяти-двенадцати. Они намеревались пробраться внутрь взрослого заведения...

Нет, отложим пока эту историю, вернёмся к ней позже.

Самая хорошая, изумительная клоака находится у торгового центра «Золотой Колос». Раньше тут, при СССР, был большой хлебный магазин «Золотой Колос», потом всё рухнуло, начиная с СССР, но название осталось. И граница городского района буквально проходила в паре метров от клоаки, потому она уцелела, процвела и стала самой лучшей рюмочной в Большом Городе. Здесь опрятно, здесь чисто, очень дружелюбно. Раньше висело объявление: «Осторожно! В рюмочной орудуют карманники! Будьте бдительны!». Я лично подвергся нападению этих джентльменов удачи. Зима, на улице темно уже в шесть вечера. Только собрался входить, вдруг из рюмочной вывалились два небритых кавказца, и я оказался во тьме – накинули сверху какую-то куртку, и хохочут. Я оттолкнул их – они народ щуплый, маленький. Разозлился – что за шутки? А те всё хохочут, словно в хлам обкуренные.

– Прости, брат! Радость, брат! День рождения, брат!

И тянет мне руку для пожатия.

Я знаю, что в клоаке можно столкнуться с любым, потому расслабился, пожал руку хохочущему, обкуренному и пьяному имениннику, пожелал:

– Что ж, раз так, счастья тебе и удачи!

Тут же человек протрезвел, глаза обрели смысл, он взял и поцеловал мою руку (Я обалдел – это перебор! Но принял за сильное алкогольное опьянение именинника, раз он так расчувствовался поздравлению) и приложился лбом к моему запястью. Его спутник тоже перестал смеяться. Они коротко кивнули мне, и испарились в темени зимнего вечера.

Захожу в клоаку. А там идёт разговор о карманниках. И завсегдатаи тут же говорят:

– Вас сейчас не обшарили на входе? Это были карманники. Они здесь во всю шерстят!

Я не боялся за карманы – я в них ничего не держу, кроме носового платка, потому посмеялся – как ловко придумали, негодяи – пока человек барахтается в накинутой на него сверху куртке, они шарят по его карманам. А почему поцеловали руку и приложились к ней лбом – я пожелал им воровской удачи! Так они восприняли мои слова. Карманники – люди очень суеверные. Я им пожелал удачи, и они, этим нехитрым ритуалом, попытались её закрепить.

Я потрогал карманы, вроде не тронутые. Я поразился – пожелал варнакам хорошего, и меня не тронули!...

Наивная простота! Следующим утром, собравшись на работу, я осмотрел себя в настенном зеркале уже в верхней одежде, и неприятно поразился – карманы, на замках-молниях, какими я никогда не пользовался, оказались вскрыты. То есть, один пожимал руку, кивал головой, целовал запястье, а другой в это время вскрывал карманы.

Когда, приняв дозу алкоголя, я вышел из клоаки в тот вечер, в далёкой темноте шумел скандал.

– Ты что смеёшься, урод? Ты мои карманы шмонал!

– Ты что, брат? Ты не прав, брат!

– Не брат я тебе!

– Эй! А! А!

Шум и возня. Сцепились...

Но, видимо, романтики с большой дороги стали напрягать даже хозяев клоаки, и со стен сорвали объявления о карманниках, и поставили молодого, крепкого охранника в брезентовой форме американского спецназа.

В этой клоаке не встретишь королей жизни – совсем опустившихся людей, пропивающих доставшиеся от умерших родителей квартиры и презирающих труд, как таковой, здесь обычные клиенты – это работяги, выходящие из метро. Они быстро выпивают свои дежурные сто грамм после долгого, тяжелого рабочего дня, запивают, кто соком, кто лимонадом или минералкой, а кто и закусывает микробутербродом или долькой лимона, и идут домой. Завсегда-таки здесь – хорошо одетые, весёлые, образованные пенсионеры. Они всегда расскажут что-то очень интересное и весёлое. Даже, как-то, выступил интеллигент, любящий поэзию. Он там выпивал «стационарно» – взял себе побольше алкоголя и, млея от его воздействия, общался с «массовой аудиторией», выстаивающей очередь за вожаденной выпивкой. Он прочитал красивое и длинное стихотворение – я всё время стоял в очереди, и прослушал его от начала до конца. Посетители воспылали весельем и начали хлопать. Строгая продавщица тут же пресекала вспышку культуры:

– Хватит! Это вам не поэтический салон! Зашел, выпил, вышел! Стихи читайте на улице! Мужики, человек двадцать, боязливо замолкли...

Последний раз, опять выстаивая очередь в этой изумительной клоаке (Что поделать – метро рядом, людской поток большой, очередь почти всегда. Денег там оседает – мама дорогая!), услышал такой разговор:

– За рулём нельзя разговаривать! Это отвлекает! Это опасно! В этом причина семидесяти процентов аварий! – заявил один из выпивох в конце очереди.

– Хр-Хм, – хрюкнул смехом ухоженный пенсионер, попивающий у стойки «Изабеллу». – Я тебе скажу, что делают водители! Я сегодня видел! Водитель красит губы, говорит по телефону, и тут же щелкает семечки!

Продавщица рассмеялась этому заявлению, пояснила:

– Я тоже это видела!

– Паша! – предостерег рассказчика другой пенсионер, уже хорошо выпивающий и закусывающий. – Паша, это не водитель, это – обезьяна с гранатой!

И мы заулыбались, понимая, что речь идёт о женщине за рулем...

Клоака, примерно одного уровня пакостности с клоакой у гостиницы – это рюмочная у Сада Чекиста. Не скажу, что там сильно плохо, но там опасно... Был я там всего раз пять, и всегда чувствовал себя очень напряжённо в этом заведении. Оно располагается в глубоком подвале...

Но не будем торопить события.

Стояли мы с дядей Вовой у Сада Чекиста. Сад прибывает в степени крайней захламлённости и неухоженности. Хоть памятник и свежеевыкрашен бронзовой краской, мраморные плиты основания требуют ремонта. Такое ощущение, словно здесь время остановилось на уровне девяностых годов всеобщего развала.

Как сказал бы мой дед: «Бляха-Муха! И это двадцать первый век!».

Помню, в моём детстве, бабушка ругала деда: «Иван, что ты постоянно материшься?». Дед удивлялся: «Никогда!». В ответ удивлялась бабушка: «А это: Бляха– Муха! Японский городской?!». Дед пояснял: «Бляха – это специальная, цельнометаллическая пряжка мужского ремня, обычно военного. Муха – это муха. Как выразилась одна забавная девочка – муха – это маленькая птичка... А Японский городской – это японский полицейский... Никакой матерщины...».

Так вот, Сад ещё не превратился в дикий лес, но уже на грани. Дядя Вова томился. Он хотел выпить, а выпивать было рано – в Большом Городе, как я указывал выше, раньше девяти утра распитие алкоголя не поощряется властями. Ну, тыркнулись мы в пару супермаркетов, где уже все сотрудники, начиная от директора и кончая уборщицами и кассирами – гастарбай-

теры, выходцы из Средней Азии, нас везде обломали, ибо кассовый аппарат, он не человек, он отбивает алкоголь только после положенного срока.

Дядя Вова откровенно тосковал. Нам требовалось ехать по делам в Крематорий, который угнезвился за городом, и жёг трупы в три смены. Город большой, мрут много...

Дядя Вова надоумил:

– Идём в клоаку. Там продадут!

Спустились мы вниз осторожно. Заходим. Уже бурная компания за столом-стойкой бушует весельем – пьют давно, успели набраться.

– Блин, ещё девяти нет, а тут полный карнавал! – позавидовал-возмутился дядя Вова.

Обратился в окошко, за которым скрывался продавец:

– Девушка, вы нам бутылку водки продадите?

Продавец, опытная пенсионерка, на взгляд определила, что мы не проверка (вот изумительные психологи эти торговцы на разлив!), рыкнула недружелюбно, прямо, как при СССР:

– Водку продам!

Быстро купили бутылку водки и пластмассовый стаканчик, тут же спрятали приобретённое в сумку (Продавец велела. Мы не были завсегдатаями, и она всё же, опасалась).

Мы вышли. Вдогонку кинулся молодой цыган:

– Друзья, пять рублей! Пять рублей!

– Нету! – выразительно и грозно пошевелил бровями дядя Вова.

Вспомнился случай. Идём дворами, раннее утро, выскакивает навстречу всклокоченный пенсионер, почти дед, руки расставил, словно собираясь нас заключить в объятия:

– Сынки! Пять рублей! Пять рублей! Спасайте! Не хватает!

Вручили деду пятак, чтобы поправился.

На следующее утро, та же картина: несётся на нас дед, кричит умоляюще:

– Отцы! Десять рублей!

Мы развеселились:

– Смотри, как мы резко постарели, из сынков стали отцами!

Так и здесь – пять рублей ему подавай! Чего удумал! Цыган хотел пировать, и пытался собрать скромную мзду со всех проходящих в клоаку мужчин.

Мы поспешно перешли дорогу. Я оглянулся – цыган и его собутыльники, высоченные друзья-славяне, уже на улице остановили студента, и вжимали с него «оброк» – забирали мелочь. Обычный, бытовой грабёж у Сада Чекиста. Тут так принято – алкаши снимают свою раннюю «взятку».

– Паренёк попал, – констатировал дядя Вова. – Ладно, выпьем.

Мы встали у киоска, торгующего цветами, у высокого, обрубленного ствола клёна – около метра высотой. Стоим, разговариваем о своём.

Я оживился:

– Дядя Вова, белка! Белка бегаёт! Бельчонок! Ещё совсем юный!

Дядя Вова, увидев бельчонка, потеплел.

– Позови его.

Я давай чмокать губами. Бельчонок, с непуганой готовностью кинулся к нам, и уже сидел на метровом обручке клёна. Мы умилились.

– Что ему дать?

Бельчонок ждал угощения.

– У меня только колбаса, – сознался дядя Вова.

– Белки колбасу не едят, – уверенно заявил я.

– Проверим.

Дядя Вова извлёк из сумки пластик полукопчённого сервелата, протянул бельчонку. Тот в испуге сбежал вниз. Кинули ему вслед – тот махнул прочь со всей скоростью, на какую был способен, распушив хвост.

– Не любят белки колбасу, – сделал заключение дядя Вова. Потом задумался, и выдал. – А может, только сервелат не любят... Но у меня брауншвейгской, увы, нет, не припас. Ладно, Лёша, выпьем. И потом я пойду, отолю.

Мы ждали маршрутку – к Крематорию ходила только одна маршрутка, но она ходила так часто, что жаловаться было бы перебором. Раз в пять минут, или семь. Однако, подходя к Саду Чекиста, она уже была переполнена – выходцы из Средней Азии активно работали на коттеджах, окруживших Крематорий (я всегда поражался, как люди строят огромные особняки у могильной печи?!), плюс перед Крематорием располагался большущий дачный район, ещё старый, с домиками два на три метра... И туда стремились тётеньки и бабушки с тележками, и полными рюкзаками. Бабушки и тётеньки любили ездить на свои дачи в самый час пик, когда всё работающее население стремилось к своим рабочим местам.

Мы стояли, переваривая выпитые пятьдесят грамм, и смотрели на битву бабушек и выходцев из Азии за места в маршрутке – бабушки орудовали локтями, толкались и пихались. Всё это происходило в мрачной, суровой тишине, без возгласов возмущения.

Дядя Вова философски объяснил мне:

– Торопятся в Крематорий. Огненное погребение сейчас очень актуально... Раз! И пепел по ветру!

Тут же сменил тему:

– Всё, Лёшкин, пора отливать...

Дядя Вова пылливо посмотрел вглубь Сада Чекиста.

– Вон, вижу туалет. Дует туда.

Подожли. Дядя Вова зашёл в заведение. Я остался стоять. Ко мне прибился юный, глупый сорочонок.

– Что надо? Иди вон! – пытался шугнуть я птицу.

Дядя Вова вышел злой.

– Там надо платить! С ума посходили! Вокруг лес, а я буду отливать за деньги!

Увидев сорочонка, он удивился:

– Это что?

Сорочонок ответил сам:

– Пр-р-р, – и захлопал крыльями.

– Ладно, я понял, что у тебя проблемы, птица, но мы их решать не будем, прости, – серьёзно объяснил ему дядя Вова. А мне сказал. – Я отолю в кустах, а этого шугни, пусть валит!

Я не знал, как прогнать птенца. Конечно, он уже умел летать, но ещё был полным юнцом, не знающим жизни. Как наши паренёк или девчонка в двадцать лет – вроде взрослые, а такие беспомощные, не знающие суровости бытия.

На моё счастье, этого «дятла», отбившегося от своих, с громким стрекотом нашли два брата и мама-сорока.

Из кустов вышел дядя Вова, задумчивый, словно решал теорему Декарта...

– Ну, что? – сразу спросил он.

– Забрали.

– Кто? Кого?! – поразился и удивился дядя Вова.

– Родные. Сорока и сорочата! Забрали сорочонка, – отозвался я.

– Какие сорочата? Ты пьян, что ли? Нам ещё в Крематорий ехать, Алёша. Очнись!

Я пожал плечами...

А теперь вернёмся к клоаке у гостиницы. Стоим у входа. Дядя Вова курит, я этим дымом дышу. У входа в клоаку заметались трое плохо одетых мальчишек лет десяти-двенадцати. Они нырнули в проход, в заведение, но, видимо, даже потерявшие всё человеческое люди-зомби, их оттуда прогнали. Они выбежали нервные и возбуждённые. Заводила, наглый, уже повидавший всё плохое за свою короткую жизнь, паренёк, велел своим юным вассалам повторить попытку – видимо, внутри «зависал» кто-то из родителей и юнца доставали очередную порцию финансов, чтобы родитель-тиран мог продолжить свой праздник жизни. Тут мой дядя Вова сурово зашевелил бровями, и как гаркнул: «Эй, мелюзга! А ну, прочь отсюда!», что юные «гавроши» в панике ретировались...

Я немедленно вспомнил, как однажды, ещё проживая в дальнем районе города, видел такую картину: у Супермаркета сидели два десятка тётенок, на ящиках и коробках, продавая нехитрые продукты своих подсобных хозяйств. Жителям того микрорайона повезло, что за мелкой, грязной, но богатой рыбой, речонкой, располагалось большое и богатое село, откуда бабушки-дедушки-тётеньки-дяденьки несли всё свежее, всё домашнее: фрукты, овощи и зелень. Оттуда же появлялись «добытчики» – алкоголики, которые воровали сельхозпродукцию с чужих подворий, и сбывали всё по дешёвке. Я на эту тему даже стишок написал:

Воровал старик малину,
После мчался к магазину,
По дешёвке продавал,
Ну, а деньги, пропивал...

Все ему: «Отец! Отец!»...
А по сути-то подлец...

Зимой крестьяне пытались привозить мясо, продавая его из багажников стареньких, изъеденных ржавчиной «Жигулей», последних уцелевших раритетов советского автопрома, или с брезента, брошенного на мерзлую землю... Через какое-то время подъезжала крутая иномарка, новая, миллиона за два рубля, вылезали толстые, высокие пацаны в тесных для них, спортивных, розовых костюмах, и начинали «грузить» фермеров... Один раз на моих глазах «пацаны» мужиков развели, быстро взяв нахрапом – сразу сняли с них несколько тысяч отступных. Мужики, горестно посоветовавшись, поняли, что теперь и смысла в продаже не осталось, и уехали восвояси, ограбленные. Другой раз «пацанам» дали отпор – у замученного работой трудяги-фермера жена оказалась не робкого десятка, напористая и голосистая. И она стала так «поливать» на всю округу вымогателей, вознамерившихся срубить мзду, что те, краснея щеками, торопливо сбежали в свою сверкающую иномарку и дали газу... Вы, верно, подумали, что эта крикливая жена фермера удачно распродала мясо, а жители микрорайона насладились изысканным, домашним продуктом? Ничуть. Через две минуты (словно стояли за поворотом и ждали сигнала) притормозили на патрульном уазике менты-полицейские, и грозя самыми страшными карами, в виде задержания, содержания под стражей, и конфискацией товара, вынудили фермера с супругой свернуться и ехать домой... Ну, да бог с ними, с мясом фермеров, с вымогателями и гонителями...

Лето. Сидят бабушки-тётеньки со своим овощным товаром – у кого огурцы и смородина, у кого помидоры, редиска, у кого летние грибы – подберёзовики, подосиновики. И стоит посреди них малыш в самом центре, лет пяти-шести. В руке его зажаты пару листов хрена и несколько стеблей укропа. Он орёт, рыдая, благим матом, призывая торговков:

– Купите! Купите у меня! Дома убьют! Деньги нужны! Купите, пожалуйста!

Сам чумазый, грязный. Никакой. Оборвыш полный. Родители послали раздобыть денег на выпивку. А может, не родители, «отчим» какой-нибудь, приезжий на лето из дальней республики, очередной сезонный мамин «муж»...

И никто у ребёнка лопухов хрена не купил... Никто.

Я ушёл, не желая смотреть и участвовать в этой попытке совести. Я решил, что не буду покупать у бедняги, ни при каких обстоятельствах. Если я куплю, и он принесёт деньги, его пошлют снова и снова, а так просто избыют из-за его неумения, потом перестанут кормить дешёвой, пустой вермишелью, и он, если хватит везения, выживет, сбежит от опустившейся матери, и там только Бог решит, сгинуть ему уличным «гаврошем» первой же зимой, или взлететь Горьковским «Буревестником». Рождённый ползать летать не может? Может! Пути Господни неисповедимы! И этот малыш, орущий благим матом, сжимающий трясущейся ручонкой листья хрена и стебли укропа, если станет взрослым, этого никогда не простит ни своей матери, ни нам, обществу, которое так с ним обошлось.

Хотя, он уже стал взрослым, в свои пять-шесть лет...

Тот мальчонка не выходит из головы. Я ведь запомнил его на всю жизнь, буду помнить и мучиться... Хотел ещё пару клоак описать, но больше не хочется... Вот вам и Большой Город, столица густонаселённого российского региона. Какие клоаки описывать, когда вся жизнь – это глубокая, бесконечная клоака? Клоака везде и во всём...

Вам тут не это!

Ещё одно наше приключение с дядей Вовой.

Дело было зимой. Мы ехали с дядей Вовой на трамвае до кольца. Я хотел добираться в свою холостяцкую пещеру по другому маршруту, но дядя Вова настоял:

– Выпьем по стаканчику вина, и каждый – в свою сторону! Куда тебе торопиться? Насидишься ещё один, как сыч, в своём дупле.

Ползём мы на трамвае до кольца. Не то, что ползём – трясёмся, словно эпилептики в приступе. В Большом Городе самые новейшие вагоны пускают только по маршрутам, проходящим через центр. Есть такие красавцы, что Европа позавидует. Трамваи-лайнеры. Роскошные и современные... А на внутренних кольцах обитают вагоны семидесятых годов, в хлам убитые, холодные, вонючие. Ну, да ладно, бог с ними, с трамваями. Везде так... Едем.

Дядя Вова говорит:

– На кольце есть вагончик, где продают вино: Изабеллу и портвейн. Выпьем, поболтаем.

Вот этот вагончик – самая опасная клоака Большого Города... Там, действительно, не продают водку, только напитки, обозначенные, как винные. Это знаменитая Изабелла. Фиолетовая мутная дрянь. И портвейн – технический спирт, или спирт, сдобренный химической дрянью, плюс краситель. Заходишь в вагончик – всё чисто, аккуратно, пьяницы и алкаши мирно выпивают из пластиковых стаканчиков химическое пойло.

– Лёшкин, я беру нам по двести, – сказал дядя Вова.

– Добро.

В это же время рядом зрел скандал. Пьяный, грязный, давно не мывшийся мужчина в чёрном трико и распахнутом, замызганном пуховике, визжал на двух своих женщин-пропивох:

– Раз так, накажу всех! Всех! Где волына? Волыну мне!

Волыну он получил.

– Валить буду всех! – заявил он громогласно, озираясь.

Мы вопросительно посмотрели на спокойных завсегдатаев. Те поняли немой вопрос, ощерились:

– Какая волына? Травматика!

Мы расслабленно потянулись за пластиковыми стаканчиками с пойлом. Хоть не убьют, только искалечат...

– Нет, вы, не понимаете! – бурлили уже вооружённый бузотёр, расталкивая своих женщин, пытавшихся ему помешать стрелять.

– Бах! Бах! Бах! – пошли выстрелы в потолок заведения.

Обозлённая, вся в золотых кольцах продавщица выскочила из своего загончика, рассерженно разразилась тирадой:

– Это что за стрельба?! Я вам устрою стрельбы! Тут вам не Москва!

– Я в потолок стрелял, – начал оправдываться бузотёр.

– Тем более нельзя! Идите на улицу! Там стреляйте, сколько вам влезет!... Что за люди... Разгорячённый злодей ретировался. Продавщица, посмотрев на нас опешивших, пояснила:

– Он больше не будет. Отдыхайте спокойно...

Мы с дядей Вовой кивнули, выпили и закусили карамелькой, одной на двоих...

У вокзала

Существует кафе у железнодорожного вокзала. Название очень оригинальное и запоминающееся: «Блинная». Заходишь – всё тип-топ. Очень чисто. Очень куртуазно. Всё изумительно. Туалет – для посетителей бесплатно, для «залётных» – за скромную мзду. Плати и заходи... Бар... Бар очень цивилизный. Тут же, в баре, заказываешь закуски и горячие блюда. Цены... Цены вокзальные. Очень дорогие. На еду. На алкоголь цены общегородские, «приемлемые»...

Я любил заходить туда в обеденное время или после недолгого трудового дня, выпить «дежурные» сто граммов хорошей водки, и запить её холодным томатным соком. Сок я брал полный стакан – двести граммов. Можно было брать любой сок (выбор огромный), но мне всегда нравился томатный – он бархатной прохладой окутывал полость рта после крепкой водки, и становилось комфортно, и весь пищевод горел «огнём», расширяя на короткое время сосуды, и веселя мозг. Здорово! Всё-таки, алкоголь – страшная и великая сила! Я всегда и всем это говорил. Противостоять ему – настоящая, сложная наука. Есть люди, невосприимчивые к этой «заразе», но таких единицы на фоне всего человечества. Как предупреждал меня мой дед Иван Трофимович, находясь в совершенном подпитии, и поднимая вверх указательный палец левой руки (правую руку ему изувечило взрывом в блокадном Ленинграде, когда он оборонял этот героический город от фашистских орд), чтобы до меня, юнца, доходило быстрее:

– Пить алкоголь можно! И нужно! Ещё наш Господь Иисус Христос (Дед велел писать имя Иисуса с одним «и», потому что написание «Иисус» с двумя «и» считал «бесовским»). Были у него на то свои основания – старые богословы, втянувшие героя-фронтовика в яростное поклонение Господу, учили его именно так, а всё прочее объявляли ересью!), так вот, ещё наш Господь – Иисус Христос поил своих учеников вином, и говорил: «Сердце нужно веселить!», но предупреждал: «Но, не обжигайтесь!». Дед смотрел на меня внимательно, и снова пояснял: «А я обжигаюсь. А это – великий грех!».

Ещё в юности, я читал, что наш древнерусский князь, выбирая между новыми, модными религиями: иудаизмом, мусульманством и православным христианством, выбрал православие именно из-за возможности хмельного общения за общим столом с верной дружиной после удачного, бранного дела. Негатив к иудеям к тому времени ещё не изгладился из памяти народа после жестоких набегов с даяниями и захватом рабов – знаменитый Хазарский Каганат (государство иудеев на Волге). А мусульманство, распространяемое арабами, бывшими на подъёме, и громившими Иран и усталую Византию, сразу отстраняло вождя от дружины, делая его султаном-шахом, опирающимся на служилую бюрократию. На рыхлой Руси, состоявшей из полусамостоятельных племенных объединений, бюрократии тогда не было в принципе. Были князь с дружиной, князь «сидел» в Киеве, и обирал подчинённые племена. Это называлось государством. Так было у всех. Эта форма государственности была изобретена не нами, и даже не Древним Римом и Древним Египтом. Это вывели для себя ещё древнейшие «протолюди». Честь им и хвала. Но вернёмся в тему: Верховный князь обирал подчинённые поселки и города, но и защищал их от иноплемённых нашествий. Держал мир и, как мог, способствовал хозяйственному прогрессу... Тем не менее, в Киеве князья всегда чувствовали себя очень неудобно, ибо город, именуемый «Мать городов Русских» располагался на самой границе древнерусского государства... А вот смотрите, гены эти, от Первой Руси, глубоки. Мы все, живущие в России, воспринимаем с уважением город Киев, как первоначальную столицу нашего государства. Так говорили и говорить будем: Киев – Мать город Русских, хотя исторически это и не так. Но это метафора. А ведь царь Пётр Первый тоже основал свою столицу на подобие Киева – на самой опасной границе...

О-о! Слушайте! Я, вообще, побрёл в какие-то дебри – Древняя Русь, Киев, Царь Пётр. Я же пишу о кафе «Блинная» у железнодорожного вокзала. Вот понесло!

Итак, заказал я водки и сока, а к стойке бара подошёл высокий, толстый «борзяк». Сразу стало понятно, что «борзяк» начнёт всем портить настроение. Эдакий мужик-мразь. Энергетический вампир. Ещё таких называют «гондон» и бьют кулаками в лицо с удовольствием. Таких сразу видно, и понятно, что они будут вытворять. Обычно они плохо кончают, и в прямом, и в переносном смысле...

«Борзяк» хотел «подвалить» к усталой сорокалетней барменше. Очень приятной, хорошо покрашенной, замужней стервозе (а в баре разве можно работать и не быть стервозой? Постоянно приходится отшивать уродов пьяных!). «Борзяк» хорошо «принял» за столиком с друзьями, и уже шатался.

Я получил свой скромный заказ.

«Борзяк» окинул меня придирчивым взглядом, и я ему не понравился.

– Твой друг? – кивнул он на меня, обращаясь к барменше.

Я усмехнулся. «Начинается!». Нельзя у вокзала нормальному человеку спокойно выпить в приятной, мирной обстановке! Найдётся урод, который всё испортит! И это двадцать первый век, нанотехнологии, яркий технологический всплеск цивилизации! Да.

Барменша холодно отозвалась на вопрос «Борзяка»:

– Нам запрещено знакомиться с клиентами. Этот мужчина просто заказал выпивку. Я его вижу в первый раз.

– Да-а? – не поверил «ловелас», и снова изучающее осмотрел меня с ног до головы, определив, на свой пьяный взгляд, что я ему не соперник в личном кулачном бою. Во-первых, я был ниже ростом, а во-вторых, за ближним столиком сидели двое крепких друзей «Борзяка». Думаю, именно, второе его делало таким смелым и несдержанным.

«Что ж», – решил я про себя. – «Посмотрим».

У меня были обширные планы, и общение с полицией, и писание объяснительных «кто первым начал» в эти планы не входило.

Внешне я выглядел спокойно. Мозг анализировал: «Надо мирно выкручивать ситуацию. Полезет, я ему отвешу встречных ударов, но, не дай бог, кто-то из его пьяных приятелей попадёт мне по лицу, как потом лепетать на работе оправдания? У Лёши битое лицо! Это будет фурор!... Меня просто не поймут...».

Я, вообще, щепетильно отношусь к физическому воздействию на меня. Казню за такое беспощадно. С руганью в мой адрес, после многих извинений, могу ещё примириться, как и любой достойный мужчина, мирно разойтись – бывает такое у людей, век бешенный и срывается со рта лишнее... А за «физику» никогда не прощаю, и спрашиваю по полной. Как любой нормальный, достойный мужчина...

Я грустно улыбнулся. Я не собирался уходить от конфликта. Взгляд «Борзяка» меня разозлил... Планы планами, но и спустить хамства я не собирался.

Я выпил свою водку, запил густым, холодным томатным соком, и внимательно посмотрел на «Брзяка», готовый ко всему. Итак...

Он отвернулся, смотрел внимательно на друзей за столиком, анализируя пьяным мозгом, впрягутся они в конфликт или нет.

«Решайте», – подумал я, и пошёл в туалет «отлить». Я отдавал инициативу «врагам» – пока то, да сё в туалете, пока руки помою, и выйду из кафе, они меня там и встретят. Классика! Мужчины, мы все это знаем! Почему хулиганы, даже им сорок-пятьдесят лет так предсказуемы?! Забавно.

Когда я вышел через пару минут из туалета, моих визави в кафе не было. Всё ясно – уже ждали у выхода. Что ж, выпить ещё на посошок? Нет, это уже лишнее. Я открыл дверь и вышел. Где мои «герои»?

Увы, никто меня не ждал для кулачной расправы. Мои добрые «враги» пытались поднять с холодного асфальта дёргавшего ногами, словно жук, упавший на спину, «борзяка». Алкоголь сделал своё страшное дело, превратив некрепкого наглеца в беспомощную свинью. Друзья уговаривали «борзяка» перебороть себя, подняться на ноги, и добраться до перрона, где их ждал поезд, но злодею это было не по силам.

Я ушёл со смешанным чувством сожаления и безгливости. Почему люди доводят себя до скотского состояния, сея вокруг себя дискомфорт для других? Риторический вопрос!

Уютное местечко

Дворок состоит из двух жилых домов, каждый в четыре этажа по два подъезда, постройки дедушки Хрущёва. Перпендикулярно отсекает пространство такая же четырёхэтажная гостиница. Много уютных лавочек, где душа просто просит испить пива вечером. Куча высоченных тополей, несколько вкраплений пышных кустарников шиповника. Метров через тридцать, замыкая пространство Дворка, идёт ряд кладовок и гаражей. За этим великолепием находятся два огромных детских сада. Вот в этом аквариуме кипят своеобразные бытовые страсти...

Я прогулялся к Дому культуры мясокомбината и возвращался обратно. Было тепло, ибо июнь всё-таки победил весенний холод, и я весь проникся полным благолепием и какими-то поповскими елейными радостями, так что, приближаясь к очагу своего обитания с тыла, я шёл в полном умилении. А с тыла два кирпичных дома выглядели совсем неуютно, не смотря на россыпь балконов, высушивающих такие милые груды трусишек, лифчиков гигантских размеров, всяческих пододеяльников и остальных бытовых тряпочек и тряпиц.

Мускулистый самоуверенный Прохор только что вышел на балкон покурить, и возникновение лета его радовало так же благостно.

Прохор был в белой майке, совсем не скрывающей его великолепной груди, и в чёрном трико с отвислыми коленями. Даже в таком трико он был очарователен до невозможности. Поглядывая на моё приближение, он радостно посмеивался, и здороваться не собирался.

Сверху на балконе появилась красивая, разбитная Люка, с ворохом мокрого белья. Не глядя вниз, она начала развешивать стиранное на своих проволочных растяжках – на умилённого Прохора обрушились потоки воды.

Предчувствуя потеху, я замедлил шаг. Ясно, что у красавицы Люки стиральная машинка не автомат. Возникали сомнения, что у неё, вообще, была стиральная машинка – вода вниз лилась реальным потоком, за который соседи снизу не милуют никогда.

Добрый Прохор, удивлённо осмотрев погасшую от пролива сигарету, посмотрел вверх и весело сказал:

- Привет, Люка!
- Здорово! – Люка усердно занималась развешиванием своей простирки.
- Люка, ты чё, белье не выжимаешь?
- Тебе какое дело?
- Если ты посмотришь – у нас здесь простыни висят и наволочки.
- Мне какое дело? – развешивание с потоками воды продолжалось.
- Такое, что сейчас наше высохнет, а ты потом своё повесишь.
- Своё снимай! А моё будет висеть!

Тут Прохор потерял благодушие и начал заводиться.

– Слышь, ты!

– Мне не тыкай! – Люка набросила на проволоку новое покрывало и вода залила все балконы.

– Коза, сейчас я поднимусь... – Прохор зверел.

Я внизу внимательно наблюдал за развитием конфликта. Будь рядом юное поколение, эта оргия вражды была бы отснята смартфонами и в массе выплеснута в пространство Интернета. Даже в далёкой Америке увидели бы жестокое моральное поражение великолепного Прохора, но юных продвинутых злодеев рядом не оказалось.

Прохор разозлился не на шутку.

– Я сказал – поднимусь!

- По морде тряпкой получишь!
- Поднимусь – вы...у!
- О-о-о-о! Ты подтверди слова делом!
- Не веришь?
- Не верю!
- Иду!

Люка исхитрилась и кинула в Прохора мокрой ночнушкой.

– Поднимись, верни ночнушку! Не в...ешь – опозорю перед всеми! – пообещала она весело и зло.

Я покачал внизу головой – соседи так соседи!

Люка меня заметила:

- Что рот раззявил? Интересно?
- Здрости, – заулыбался я.
- Тоже зайдёшь– вы..шь?
- Ха-ха-ха. Нет.
- Тогда иди, куда шёл!

И я радостно заспешил домой...

Полковника никто не ждёт

Главный герой – полковник Бонивур. Этот великолепный псевдоним, будущий полковник почерпнул из фильма молодости о героях-партизанах гражданской войны на Дальнем Востоке и, видимо, тот храбрый юноша так врезался ему в душу, что он взял себе его фамилию. А великому герою, которого казнили – честь и слава! Его дела, пусть и мелкие на общем фоне революции, не дали японцам прибрать наше Приморье к своим рукам. Нам же, выношу порицание – мы плохо помним тех, кто уберёт целостность нашего государства в то непростое время.

Но вернёмся к нашему Бонивуру – полковнику.

Я вышел на балкон, и увидел сидящего на своём балконе Бонивура.

Наш Бонивур – великолепный сорокапятилетний мужчина, поджарый, мускулистый, высокий, просто вылитый Савелий Крамаров из фильма о джентльменах удачи. Сегодня этот тип сидел на балконе в стрингах – другой одежды на нём не было, и, держась руками за штыри ограждения, очень походил на человекоподобную обезьяну в зоопарке. Он был выпивший и намеревался продолжить алкогольные наслаждения. Денег на утеху не было, и его зоркий глаз обшаривал каждый квадрат Дворка.

Бонивур всю сознательную жизнь сидел на шее покорной матери – трудиться ему было запаadlo. Пил он тоже на халаву, но пил так, что его несколько раз запирали в психушку, где прокачивали от «белочки». После последней экзекуции с лечением, он вернулся во двор особенно добрым, и заявил, что теперь он Полковник. Никто не противоречил. Видимо, лечащий врач нашёл в его сознании особенные таланты полководца.

Бонивур томился. Он несколько раз поглядывал на меня, но было далеко и, даже громко крича, общаться было не возможно.

Я чувствовал, что сегодня Полковник проявит себя – он ежедневно себя проявлял!

Бонивур, посмотрев вниз, где сидели на скамейке перед входом в подъезд его соседки, громко проматерился:

–Э-э-э...Пи-пи-пи!!!

Соседки тут же всполошились, матерясь в ответ:

–Пи-пи-пи-пи-пи!!!

Бонивур, не теряя хладнокровия, приспустил плавки и стал писать вниз на уважаемых леди. Брызги попали на всех! Поднялся страшнейший переполох.

На Бонивура кричали снизу, грозили кулаками.

Полковник остался спокоен, даже заулыбался:

–Хы-ы-ы-ы...

Усмехнувшись, Полковник ушёл в свою квартиру.

Забрызганные леди, поругиваясь, передислоцировались на скамейку у другого подъезда.

Конфликт погиб сам собой. Я усмехнулся...

Бонивур, нацепив чёрное застиранное трико, вынесся из подъезда на простор Дворка, словно стоялый жеребец. Энергия в его организме бурлила, желание выпить застилало остальные мысли.

–Эй, Бонивур!

Оглянувшись на окрик, Полковник сразу потеплел – перед ним стояли два ниндзя-пенсионера – Антон Семенович и Семен Антонович.

Первый был толстым пузатым гигантом, второй – сухоньким коротышкой. Оба, выйдя на пенсию, начали от скуки заниматься ушу, от этого обалдели и впали в легкую фазу маразма, взяли китайские псевдонимы и, опираясь на систему «пьяный мастер», докучали всем хулига-

нам. В Дворке всегда было очень уютно случайным компаниям вечерами пить пиво, громко кричать дурными голосами и визгливо хохотать женщинам в четыре часа ночи. Но ниндзя все эти привычные удовольствия пресекли. Они подходили к довольным жизнью взрослым юношам и, не здороваясь, давали удары по ушам ногами. Попытки возмущения гасились дополнительными ударами. Теперь во Дворке вечерами «шалили» только местные аборигены, хотя и им периодически доставалось.

Алчущий алкоголя Бонивур кинулся к ниндзя.

Глядя на высоченного Антона Семёновича, Бонивур скукожился и, изображая полное смирение, гундося, попросил:

– Дядя Антон, дай сто пятьдесят рублей! Нутро горит!

– Ты забыл, как велено обращаться? – пророкотал «дядя Антон». И тут же Бонивур получил здоровенный удар ладонью в ухо.

Бонивур, обалдевая, еле удержался на ногах. Семен Антонович маленький, в прыжке добавил мягкой ногой в другое ухо.

Оба ниндзя ходили по двору в чёрных футболках с длинными рукавами, в чёрных льняных засаленных трико и китайских чешках.

Я, наблюдая, как Бонивуру получает порицания от старших, посмеивался. Но полковник, вдруг, вспыхнул:

– Вы чё, старечье?! Охренели?!

Теперь он был вылитый знаменитый Крамаров.

– Ладно.

Прищурившись, он скрылся в подъезде.

Ниндзя, усмехнувшись, степенно пошли за дом, видимо, уже взяли под контроль ещё пару Дворков.

Я уходить не собирался – эксцессы Бонивура, я был уверен, продолжатся немедленно...

Через минуту, после ухода стариков-ниндзя, Бонивур вынесся из подъезда, снедаемый гневом. За такой короткий отрезок времени он успел взбежать на четвёртый этаж, перепугав старенькую мать перешарил содержимое выдвижных ящиков на кухне и, не опускаясь до объяснений, сжимая в кулаке кухонный нож на деревянной ручке с длинным лезвием, устремился на улицу. Наказать стариков-ниндзя он собирался кровопусканием!

Но врагов не было.

Это озадачило Бонивура, но не охладило гнева.

Тем временем, в однозвёздочной гостинице, по случаю летнего зноя все окна были открыты настежь, и публика предавалась меланхоличному созерцанию уютного Дворка. Только на первом этаже, восседаая за столом у окна, весело и громко разговаривали, выпивающие горячительное, водители-дальнобойщики. Они сидели по-домашнему – в тапочках, трико, майках, общаясь преувеличенно громко, и цензурным лексиконом не ограничивались.

– Эй, вы! – вскричал Бонивур, грозя кухонным ножом.

Столь наглая выходка Полковника озадачила подвыпивших мужчин – какой-то хлыщ смел окликать их, четверых здоровяков, и грозить ножом.

– Вы! Что тут пьёте! А? – Бонивур сам хотел отдаться алкогольным возлияниям, и вид чужого благополучия злил его всё сильнее.

– Ты, урод, ты понял на кого попёр? – удивился самый могучий из дальнобойщиков.

– Да! Я понял! И ты поймёшь! Иди сюда! Иди! Полковник с тобой разберётся! – кривлялся Бонивур, грозясь ножом. Он чувствовал себя уверенно, ибо знал, что находился в полной безопасности. Даже, если дальнобойщики решились бы вступить с ним в схватку, им пришлось бы покинуть свой номер через дверь, миновать коридор и вестибюль гостиницы, спуститься по ступеням широкого парадного крыльца, обогнуть здание, и только потом они попадали в пространство Дворка. А ещё требовалось добежать до второго подъезда, у которого грозился бое-

выми позами противник. Время! Бонивур спокойно удалялся в подъезд и блокировал действие домофона на двери. Он уже не однажды подзуживал обитателей гостиницы обидными выкриками, и всегда покидал место словесной перепалки с гордым видом – оскорбленные бегали очень быстро, особенно кавказцы, но не успевали. Полковник всегда ускользал от физической расправы.

Соседи, наблюдавшие нынешнюю сцену, в том числе и я, ожидали предсказуемого развития локального конфликта. Но... Дальнобойщики, вдруг, разом вылезли во Дворок прямо из окна и оказались перед онемевшим от потрясения Бонивуром.

Могучий пузатый здоровяк отнял у Полковника нож и врезал ему сочную оплеуху. Один из друзей могучего, дал Бонивуру увесистого пинка под зад.

– Урод! – кипели гневом дальнобойщики.

Инстинкт самосохранения сработал у Полковника быстрее, чем его беспокойный разум – вжимая голову в плечи, Бонивур умчался в подъезд, и с силой захлопнул за собой дверь.

Дальнобойщики весело порадовались бегству негодяя.

– Козёл какой-то, – выразил общее мнение могучий предводитель компании, повертел в руке кухонный трофей. – Будем им колбасу нарезать! Что, раз уже на улице, в гастроном прогуляемся?

– Да, сразу возьмём пяток портвейнов, чтобы потом не выходить!

Неспешно и, чуть важно, водители большегрузов двинулись за дома, в сторону близкого продмага.

Подвергнутые принудительному сеансу уринотерапии, соседки на лавочке у подъезда, где я жил, радостно обсуждали расправу над Бонивуром. Я, стоя на своём балконе, ждал дальнейшего – не мог Полковник, алчущий винного отравления, так просто отступить от своей навязчивой цели.

Дверь подъезда с грохотом распахнулась – Бонивур открыл её пинком.

– Ну, что делаешь? Что двери ломаешь? Ты хоть копейку дал на установку! – загалдели соседки на лавке.

Бонивур не удосужил их своим вниманием. Зато разглядел меня, и прокричал:

– Лёшка, дай сто пятьдесят рублей!

Я ухмыльнулся – только потворствовать оргиям Полковника не доставало!

– Нету денег! – прокричал в ответ.

Бонивур уже не смотрел на меня, ворчал громко:

– Нету у него! Когда они у тебя были? Босота!

Тут его взгляд приобрёл осмысленность – заметил играющих у одной из кладовых дедов-пенсионеров. Деды всё тёплое время года резались за импровизированным столом в домино и карты. На кон выставляли по рублю. Мой дед был постоянным участником лиги, и частенько приходил с горстью выигранной мелочи. Бонивур чуть набычился, чуть согнулся, растопырил руки, и пошёл к дедам походкой бывалого рецидивиста – вид его не предвещал хорошего.

Я, посмеиваясь, следил за упорными попытками Полковника добыть денег на выпивку.

Бонивур встал перед дедами и о чём-то сурово заговорил, быстро шевеля пухлыми губами. Деды на Бонивура старались не смотреть, и слушали, напряжённо затихнув. Бонивур несколько раз указывал рукой на любимый дом, и снова шевелил губами, излагая свой взгляд на проблему.

Я понял, что это могло длиться бесконечно долго, к тому же солнце начало давить зноем по-настоящему – вернулся в прохладу комнаты, упал на диван перед телевизором. Правы были наши предки, когда имели привычку поспать после обеда часок-другой. Сейчас я бы с удовольствием уснул.

Хлопнула входная дверь – пришёл дед с улицы.

– Слышал, что Полковник задумал? – снимая сандалии, прямо с порога, спросил он.

– Нет, – я заранее посмеялся. – А что такое?

Дед прошёл на кухню, жадно испил кваса из стеклянного кувшина, вернулся в зал.

– Подошёл к нам, и сказал, чтобы дали ему сто пятьдесят рублей, иначе, говорит, возьмёт дома ножовку по металлу, в подъездах перепилит трубы газовые, и взорвёт дом!

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха!!! И что, дали ему денег? Он не успокоится, пока не выпьет ноль-семь!

– Не знаю. Я, как услышал – собрался и ушёл. А что, Бонивур может – он дурак, у него справка из психушки – угробит всех, и ему никто ничего не сделает. Я на дачу поеду. Поехали, Алёша, а то, мало ли что...

– Дед, ты, правда, поверил, что Бонивур дом взорвёт?

– Я на дачу!

Дед стремительно собрался и, через пять минут, уже шагал к автобусной остановке. Я, потешаясь, и над опасливым дедом, и над Бонивуром, скатившимся на скользкий путь экстремистского шантажа, остаток дня провёл в чтении, лёжа на диване. В устройство теракта обиженным Полковником, я не верил.

Под вечер, снова выйдя на балкон, с удивлением заметил спящего во Дворке на лавке совершенно пьяного Бонивура. Всё-таки, кто-то повёлся на его шантаж.

Что же завтра будет тогда?!!!

Дворовая элита

Сегодня, по плану, у меня были организационные мероприятия – деду, в честь праздника Победы, выделили квартиру, и этим помещением требовалось заняться. Деду, конечно, не вручали торжественно ключи от новостройки в центре города, с радостными речами мэра и губернатора – ему выделили сумму на приобретение жилья, из расчёта 33 тысячи за квадратный метр. При обычной стоимости метра в мегаполисе 45-50 тысяч, на столь скромную сумму удалось обнаружить старенькую однушку в соседнем доме Дворка. Квартира продавалась враждующей между собой роднёй отравившейся бабы Зои, была она в убитом состоянии, но дед очень радовался, что удалось получить квартиру в Дворке. Был план, после ремонта, поменять обе однокомнатные на трехкомнатную – я и дед разъезжаться не собирались, мы прекрасно дополняли друг друга.

После вчерашних оргий и кривляний Бонивура, дед ещё пребывал на даче, где заночевал, опасаясь диверсии со стороны обиженного полковника. Из раскрытой двери балкона в комнату задувал приятный прохладный ветерок.

Я вышел на балкон, сладостно потянулся – настроение с утра ещё не омрачилось какими-нибудь проблемами, и я взирал вниз, на пространство уютного Дворка с легкой долей умиления.

Из соседнего подъезда вышел бодрый Бонивур, с пакетом мусора в руке. Сегодня он совершенно не напоминал вчерашнего алчущего искателя выпивки. Он был тщательно умыт и выбрит, одет в новый спортивный костюм лазоревых цветов с золотым гербом Казахстана на спине. Уместнее всего, спортивный облик дополнили бы белые кроссовки, но полковник был в домашних шлепанцах.

Подойдя к мусорному баку, недавно опорожённому мусоровозом, он с удивлением обнаружил, что вокруг валяется куча мусора, который разлетелся при опрокидывании бака погрузчиком, а дворник – задумчивый тридцатилетний юноша Степан, со взглядом блаженного, пытался выгрести прошлогоднюю жухлую листву из зарослей шиповника на краю Дворка.

Бонивур, метнув свой пакет с мусором в бак, возмущённо обратился к дворнику:

– Э-э!!!

– Чего? – отвлёкся от увлекательной возни с листвой Степан.

– Не понял я тебя! – заявил Бонивур.

Степан, отрешённо отвернувшись, пошёл с метлой прочь.

– Стой! Ты что слоняешься по двору, как бродяга?! Иди, мусор убирай!

– Чего?

– Ничего! Чтобы чисто было! Сейчас из магазина вернусь, проверю. Я о твой хребет твою метлу сломаю, если не уберёшь здесь! Философ!

Я, видя какую бурю эмоций вызвали у Полковника россыпи нечистот, чтобы отвлечь его от растерянного дворника, громко поздоровался:

– Приветствую!

Бонивур поднял взгляд.

–А, Лёшка! Здорово! Проследи за философом, чтобы убрал здесь. Я – в магазин.

– Хорошо.

Проводив взглядом удалившегося Бонивура, я сладостно зевнул, потянулся, тут же продрогнув от утренней свежести, и вернулся в комнату. Наскоро перекусив, накинул легкую рубашку, натянул тонкие джинсы, одел солнцезащитные очки и, прихватив сумочку с деньгами и расчётами по ремонту, которые сделал вчера поздно вечером, отправился в новую дедовскую

квартиру. Эта же квартира досталась мне от бабули по завещанию, благодаря чему дед считался бездомным и, благодаря этому же, получил жильё на день Победы. Тогда дед здорово обижался на бабулю, качал головой: «Ну, Григорьевна, ну, обидела меня крепко!». А в итоге, женское чутьё оказалось самым верным. Когда, чувствуя приближение жизненного финала, бабуля составила завещание, она объяснила мне своё решение: «Так надёжнее будет. Ты деда никогда не выгонишь, а его могут всякие аферисты окрутить». Умная женщина была, царство ей небесное!

У меня сегодня намечалось на квартире совещание с местной строительной интеллигенцией – обитатели Дворка, периодически выполнявшие отделочные работы в квартирах граждан, узнав об удаче деда, предложили свои услуги. Я хорошо знал негодяев, и посчитал, что с этими, проведение ремонта будет вернее, хотя бы в сфере расходования средств.

Бывшая квартира бабы Зои, ставшая теперь дедовской, располагалась на первом этаже первого подъезда второго дома. Входя в подъезд, я вспомнил, как отравилась неугомонная бабулька. Она периодически приходила в гости к тётё Саше – моей соседке по лестничной площадке. Тётя Саша тоже была дамой преклонного возраста, но активность в ней не угасала с годами. Мало того, что она пережила четверых мужей – все умирали от сердечной недостаточности после пятилетней супружеской жизни с тётёй Сашей, она вела бурную экономическую деятельность – стряпала пирожки и булочки, разносила их по недалёким офисам, а также продавала студентам близкого техникума; в обеденное время бегала на конечную остановку кормить горячими обедами водителей автобусов и маршруток, а после десяти вечера продавала прямо из квартиры выпивающей дворовой интеллигенции самокатаную водку и наливки домашнего изготовления. Я знал, что тётя Саша получала прекрасную пенсию и в деньгах не нуждалась – экономические заботы просто скрашивали её одинокую жизнь. Баба Зоя частенько помогала тётё Саше с тестом для пирожков, а после они дегустировали настойки. В тот раз было также, только тётя Саша угощала бабушку питьевым спиртом. Маленькая бутылочка спирта в шкафчике стояла рядом с такой же маленькой бутылкой уксусной эссенции. Я потом слышал версию событий из уст тёти Саши, когда был приглашён понятым при составлении протокола. Добрые полицейские успокаивали:

– Не переживайте, тётя Саша, напишем, как надо!

– Я просто сослепу перепутала бутылочки. Налила ей в рюмку уксуса. Она уже хорошо выпившая была – одним махом в себя его опрокинула, и всё. Пока скорую я вызвала – по дороге умерла Зоя...

Оценив ситуацию, полицейские составили протокол, что бутылочку перепутала сама баба Зоя, и сама себе же налила. Получился несчастный случай по неосторожности.

Понятые, с пониманием, подписали протокол. Я подумал, что такая интерпретация гибели бабы Зои была верной – из-за нелепой смерти выпивавшей бабульки губить ещё одну человеческую жизнь было бы реальным преступлением. Такой грех на душу не собирался брать никто – ни мы – понятые-соседи, ни полиция.

Потом прошло положенное время, объявившиеся родственники бабы Зои сначала пытались удержать квартиру в чьих-то конкретных руках, но, после судебных баталий и смертельных обид, выставили её на продажу по дешёвой цене.

Я вошёл внутрь квартиры, осмотрелся – теперь здесь будет выполнен косметический ремонт, и ничто не напомнит о бабе Зое, прожившей в этой норке долгую жизнь.

Посреди зала стоял стол, рядом – несколько кухонных табуреток – всё наследство бабы Зои, которым пренебрегли родственники. Кровать и старый шифоньер я уже успел изломать, и вынести.

Только я присел на табуретку и кинул сумочку на стол, дверь квартиры отворилась, и вошёл высоченный – больше двух метров, худющий небритый субъект. Звали его Серёга, погоняло во Дворке – Апатия.

– Хо-хо! Вот тебя увидеть не ожидал! – с радостным смехом отозвался я.

Серёга тоже обрадовался, заявил тоненьким детским голосом:

– Апатия приходит всегда неожиданно!

– Здорово, Серёга!

Апатия весь как-то скукожился и, совсем пискляво, проныл фразу, которую любили произносить почти все мужчины Дворка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.